

Меня зовут Финн — как Гекльберри, — и со мной все в порядке. Точно это знаю, потому что отец изо всех сил старался отыскать во мне хоть какой-то изъян, но я выдержал все проверки. Оказалось, что я просто странный, но для оценки странности тестов нет, а если и есть, отец о них не в курсе.

Фамилия моя Рук-Картер, и это тоже странно, потому что она двойная (аккуратный способ обозначить, что две разные зачем-то слепили вместе). Мама говорила, они с отцом так поступили, чтобы в моем имени была частичка и от нее, и от папы. Только теперь, когда родители разводятся и бьются, с кем же я останусь, понятия не имею, что станет с моей фамилией. Может, с понедельника по среду я буду Финн Рук, в четверг и пятницу — Финн Картер, а на выходных, когда меня делят между одним и другой, — Финн Рук-Картер.

Насчет боев за меня — нет, родители не сражаются буквально, как персонажи в «Звездных войнах», просто много ругаются и держат адвокатов, которые постоянно сочиняют друг другу послания, чтобы лишний раз позлить. В четвертом классе Джейден Мак-Гриви повадился слать мне обидные записки, так мама даже на него адвоката натравила. В итоге Джейдену пришлось сочинить еще одну записку, уже с извинениями, хотя точно знаю, ни в чем он не раскаивался.

Мама с папой рассказывают, что адвокаты обходятся им в кучу денег, и это весьма глупо, как по мне. Если нужно

просто кого-то позлить, да наймите того же Джейдена, он за пачку мармеладок справится.

Лично я мармеладки не ем, потому что мы с мамой вегетарианцы. Ребятам в школе не понять, в чем проблема, ведь в сладостях не видно кусочков мертвых свиней или коров, из которых делают желатин, так что это просто еще один повод считать меня чудиком.

Я даже список составил, что во мне, на их взгляд, странного. На самом деле перечень куда длиннее, но раз уж повелось составлять топ-10 по каждому поводу и без, вот вам десять основных причин.

1. Не люблю футбол и не могу назвать по имени ни одного игрока.
2. Не ем мармелад.
3. У меня выющиеся рыжие волосы, а не прямые короткие каштановые, как у нормальных людей.
4. У меня нет мобильного телефона.
5. Не играю в видеоигры.
6. В жизни не ходил в «Макдоналдс».
7. Люблю садоводство и восхищаюсь Аланом Титчмаршем.
8. Играю на укулеле.
9. Не люблю футбол (это настолько странно, что стоит упомянуть дважды).
10. У меня «пчелиный» рюкзак.

Что касается последнего пункта: это не значит, будто я ношу желто-черный рюкзак в виде пчелы. Таких я сменил целую кучу — мама каждый год покупала мне новый, но на десятый день рождения вручила серый с принтом из пчел. Заявила, что такой — более взрослый. Папа только глаза закатил, правда не в открытую (тогда они еще изображали дружную семью, особенно передо мной и особенно на дни рождения).

На следующей неделе я пошел в школу, и дети опять подняли меня на смех, так что, пожалуй, отец был прав.

Неважно. Как по мне, если уж решил быть странным — будь им до конца, а не думай, якобы что-то нормальное в тебе все же осталось. Люди все равно найдут, что в тебе высмеять.

А когда по осени настанет время идти в среднюю школу, будет куда хуже. Родители и об этом много спорили. Отец заявил, что мне нельзя идти туда же, куда пойдут нынешние одноклассники: уж там меня просто «живьем сожрут». Он сказал это не при мне, просто я в очередной раз услышал их с мамой разговор.

Родители думали, что я сижу в спальне и занимаюсь на укулеле. Так и было, только мне приспичило в туалет, а они ссорились на кухне. Если уж хотите тайком поцапаться, не делайте этого на кухне — у нее ведь нет двери, и ума не приложу, как взрослые этого не замечают. Когда папа сказал про «сожрут живьем», у мамы как-то странно изменился голос. Поначалу я решил, что ее задела формулировка (все-таки как вегетарианка она вряд ли одобряла поедание кого-либо заживо). Но затем мама заметила: иногда кажется, что отец меня стыдится. Папа заявил, что нет, просто реально оценивает мои шансы вписаться в коллектив. «Вот почему я хотела бы перевести его на домашнее обучение», — ответила мама, а папа фыркнул и сказал, что мне нужна нормальная школа, а не уроки кулинарии за кухонным столом. Мама начала плакать, больше я ничего не разобрал, поэтому вернулся к себе и принялся играть на укулеле «Ты мое солнце».

Пару недель спустя в субботу утром меня свозили в другую, старомодную школу рядом с Илки, где я сыграл на укулеле и пианино. Вскоре после этого мама с папой усадили меня и объяснили, что именно в это заведение я пойду в сентябре. Вернее, объяснял папа, а мама только старательно улыбалась и кивала, из чего я понял, что затея принадлежала именно ему. Мне наказали никому

не говорить, куда иду, потому что не каждый может позволить себе такое заведение и не все поймут, в чем суть музыкального образования.

Я все же сказал Лотти, своей лучшей подруге — собственнно, моей единственной подруге, — она погуллила и заявила: на самом деле родители развели такую таинственность, потому что школа частная, для богатеньких сынков влиятельных родителей. Лотти в таких вещах разбирается, ведь ее мама — лейбористка¹ и однажды сидела рядом с Джереми Корбином² на полевой кухне для бездомных (в смысле, мама Лотти готовила суп, а Корбин просто посещал мероприятие. Я еще подумал: как-то неправильно с его стороны есть то, что вообще-то приготовили бездомным, но подруге высказывать свои сомнения не стал).

— Финн, не хочешь помочь мне готовить кексы? — зовет снизу мама.

Она верит, что кулинария — отличное совместное развлечение после школы. Честно говоря, после школы почти что угодно сойдет за отличное развлечение, и если иного способа отложить выполнение домашнего задания нет, то и такой сгодится.

Когда я спустился, она уже разложила ингредиенты на столе. Мы, как обычно, готовили кексы с абрикосами, апельсинами и отрубями. Еще одна моя странность. Если в школе устраивают благотворительные распродажи, наша выпечка разительно отличается от того, что приносят прочие дети. Рыже-коричневая, а не шоколадная, никакой глазури или посыпок. Наверное, поэтому никто никогда ее не берет. Иногда что-то покупает учительница — вероятно, из жалости, а иногда нам даже приходится увозить все обратно, чтобы не выкидывать.

¹ Лейбористы — члены Рабочей партии, одной из двух ведущих в Великобритании и наиболее влиятельной партии Социал-демократической. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

² Британский политик, лидер Лейбористской партии и оппозиции с 2015 по 2020 год.

— Ну что, снова будешь медовым монстром? — с улыбкой спрашивает мама, накидывая мне через голову фартук.

Временами она разговаривает со мной так, будто мне до сих пор девять. И пожалуй, сама этого не замечает.

— Ага, — с улыбкой отзываюсь я, и она вручает мне банку с медом.

Мы столько раз готовили эти кексы, что безо всякого рецепта помним порядок. Я отмеряю все ингредиенты, иначе мама набросает их на глаз, а мне это не нравится.

— Ну что, как сегодня в школе? — спрашивает мама, пока я сыплю муку в чашу.

— Нормально. — Как показал опыт, это лучший ответ. Если скажу, что отлично, она поймет, что я лгу. А так вроде я и не в восторге от учебы, зато меня не побили.

— Что вы сейчас читаете? — интересуется она, заправляя за ухо длинный рыжий локон.

— Ничего. Просто готовимся к экзамену по английскому.

— Как, все время?

— Да. Ну, кроме тех уроков, когда готовимся к экзамену по математике.

Мама качает головой и как-то странно поджимает губы. Она экзамены не одобряет. И даже сказала в начале года, что сдавать их необязательно, но я-то понимаю, что тогда снова останусь белой вороной, а я и так устал везде и во всем отличиться. Поэтому экзамены все же сдам.

Мама разрешает мне разбить яйца в чашку, что я и делаю, сопровождая каждое куриным квохтанием. Это всегда ее веселит, чего я, собственно, и добиваюсь. Она тоже начинает квохтать, размахивать руками на манер крыльев и пританцовывать по кухне. Мне так нравится, когда мама дурачится. Последнее время она делает это куда реже, чем прежде. Я тоже присоединяюсь к «цыплячьему танцу». Мы так смеемся, что не слышим, как папа открывает дверь. И вообще замечаем его, только когда он встает на пороге кухни, приподняв бровь и с полуулыбкой на лице.

— Привет, а что вы тут делаете? — интересуется отец, взъерошив мои волосы (все вечно норовят их взъерошить. Видимо, кучерявые волосы обладают какой-то особой притягательностью).

Папа смотрит на меня. Он всегда теперь смотрит строго на меня, даже если отчасти обращается и к маме тоже.

— Исполняем танец чокнутых куриц, — докладываю я.

— А что, есть какой-то особый повод?

— Да просто весело, — объясняю я.

Мы с мамой опять пускаемся в пляс. Папа выглядит не-много сбитым с толку. Он никогда не пек вместе с нами, но всегда исправно поглощал наши кулинарные творения, брал мои кексы и печенья на работу, фотографировал, перед тем как съесть, а потом показывал мне снимки, приходя домой. Только вот не помню, когда в последний раз это было.

— Ясно. А домашнюю работу ты уже выполнил или сделаешь позже?

Мама прекращает танцевать и гневно смотрит на отца. Словно кто-то проткнул большой иглой наш пузырь счастья, и тот лопнул.

— Мы веселимся, Мартин. Если это по-прежнему дозволяется.

— Конечно.

— Именно. Так не портить все, пожалуйста, напоминая о домашней работе в ту же секунду, как переступил порог. Тебе словно не нравится, что Финн веселится без тебя.

И вот опять они говорят обо мне так, будто я не стою в той же самой комнате. Не знаю, правда ли я в такие минуты становлюсь для них невидимкой, или они верят, что во время родительских ссор я каким-то образом глохну.

— Ты же знаешь, что это не так.

— Так к чему упоминать домашнюю работу? Его и так грузят в школе этими дурацкими контрольными.

Я вытираю руки о фартук, хотя те не особо запачкались. Прочищаю горло, напоминая о своем присутствии. Взрослые смотрят на меня, и оба опускают глаза.

— Ладно, тогда не буду вам мешать, — заявляет отец, нацепив фальшивую улыбку. На миг кажется, что он сейчас опять взъерошит мне волосы, поэтому я отступаю в сторону и беру деревянную ложку. Не проронив больше ни слова, папа выходит.

— Даже не спросил, может ли потом взять кекс, — замечаю я.

— Нет, — отвечает мама. — Не спросил.

Мы возвращаемся к готовке, но никто уже больше не пляшет и не смеется. Когда мама ставит кексы в духовку, я еще смотрю на них и думаю, не опадут ли они теперь, после всей этой ругани, будут ли такими же вкусными, как обычно? Однако позже выпечка остывает, мама приносит одну штучку мне в комнату на тарелке, и выясняется, что вкус никак не пострадал. Мне становится чуть лучше.

Той ночью я лежу в кровати и слушаю, как родители ругаются внизу.

Не могу разобрать слов, лишь резкие интонации. Вообще-то папа с мамой не всегда так говорили. Помню, были веселые нотки и звонкий смех. Только не знаю, куда они подевались.

Иногда я брожу по дому, будто ищу эту радость, — вдруг родители засунули ее нечаянно куда-то в шкаф, да и позабыли. Вот бы вернуть им смех и веселье, чтобы больше не приходилось слушать резкие слова.

Раньше такого не было. Мы вместе гуляли, папа выдавал шутки, мама ворчала, но в то же время смеялась, мы останавливались полюбоваться на цветы, а я собирал листья и всякую всячину. Дома мама помогала мне сделать коллаж, папа его хвалил, все улыбались, и не было никакой резкости. Не помню, в какой момент наша жизнь изменилась и стала все больше превращаться в нынешнюю. Теперь она мне совсем не нравится.

Я поворачиваюсь на кровати и зарываюсь лицом в подушку.

Резкие голоса стихают, зато повисает гнетущее молчание. Иногда оно даже хуже ругани, ведь ты все равно слышишь невысказанные слова. Мне больше всего на свете хочется, чтобы прекратились ссоры и такие вот паузы и все стало как прежде. Чтобы смех мамы колокольчиком звенел по дому, чтобы она снова напевала, ходя по комнатам. Я даже помню, как протискивался между родителями в кровать по утрам, они щекотали меня, а я хихикал.

Ужасно боюсь щекотки — прямо как папа. Мы с мамой вечно норовили его защементировать. Я мечтаю, чтобы мы опять стали той счастливой семьей, но не представляю, как это устроить. Ну то есть я знаю, как приготовить кексы из абрикосов, апельсинов и отрубей, как играть на укулеле и прочую ерунду, а вот самое главное, самое нужное — нет.

Подхожу к школе. Никто не бежит со мной поздороваться, но, с другой стороны, никто не обзывает фрикком и не пытается ударить, так что, пожалуй, день начинается неплохо. Мама маячит у ворот и как-то странно на меня смотрит — примерно так же, как на нашего кота Аттикуса, когда оставляет его в питомнике перед отъездом на каникулы. Не понимаю, в чем суть; не то чтобы она вернется, а я выйду к ней навстречу, исхудав и мяукая от голода, потому что всю неделю ничего не ел. Мы вообще, по сути, расстаемся всего на десять минут, ведь мама идет на праздничное собрание. Нам их устраивают каждую пятницу, по утрам, приглашают родителей. Обычно приходит мама — она самозанятая, а люди так рано на прием не записываются. Мама — гомеопат и ароматерапевт, иными словами, лечит людей, не назначая им таблетки и не посылая их в больницу. Мне об этом говорить нельзя, потому что не все люди верят в гомеопатию. Это примерно как с Богом. Мы в него не верим, но на собраниях мне иногда приходится его воспевать. А вот гомеопатов мы не воспеваем, и как-то это не очень честно получается.

Обед, а они до сих пор смеются и шутят.

И вероятно, будут шутить до конца шестого класса.

Если бы я не перевелся в другую среднюю школу, они бы изводили меня годами.

Когда мы только пришли и учитель попросил нас в первый раз раздеться перед физкультурой, Льюис Б. снял штаны, и все до сих пор ему это припоминают, даже сейчас.

— Да плюнь, — отмахивается Лотти. — Они все просто идиоты.

— Ага, — отвечаю я. Она права, но легче не становится.

Лотти — отличная подруга, но ей не понять, каково это. Никто не смеется над ней и не придумывает прозвища — с тех пор, как в пятом классе Джейден ляпнул, что она похожа на мальчика, а Лотти захала ему коленом по яйцам.

В эту минуту подходит Райли, кричит мне в лицо «чудик» и убегает.

— Хочешь, я ему задам? — спрашивает Лотти.

— Нет, спасибо, только неприятностей наживешь.

— Тогда скажи кому-нибудь, не отпускать же его просто так.

— Если пожалуюсь, он назовет меня стукачом и, скорее всего, ударит, когда рядом будет только буфетчица. А ей я уже пытался говорить, и она велела не придумывать всякой ерунды.

— И что тогда будешь делать?

— Ничего. Мама сказала, если я не стану обращать внимания на дразнилки, те прекратятся.

Лотти кивает, хотя мы оба знаем: я уже почти семь лет пытаюсь не реагировать на одноклассников, только они и не думают останавливаться.

— Папа говорит, в новой школе будет лучше, — прибавляю я.

— Почему, потому что она дорогая?

— Наверное.

— Богатые люди тоже гадости делают.

— Правда?

— Ага. Мама сказала, что Дэвид Кэмерон, бывший премьер-министр, из богатой семьи, а сколько гадостей понаделал.

— Что ж, — пожимаю я плечами. — По крайней мере, его в моей новой школе не будет.

Я доживаю до конца дня. В пятницу после обеда всегда такое чувство, что я заслужил значок или как минимум грамоту, потому что выдержал целую неделю.

Прежде чем нас отпустить, миссис Керриган заявляет, что хотела бы поговорить о наших контрольных. Что до них всего неделя, придется позаниматься на выходных, но заодно мы «повеселимся». Уж не мама ли ей такую идею подала, а может, угостила одним из наших кексов, чтобы учительница наконец узнала, что такое веселье?

— А со следующей недели, — продолжает миссис Керриган, — мы открываем специальный клуб для шестого класса. Вы сможете пораньше приходить на занятия, есть тосты с соком и вместе исправлять ошибки. У каждого из вас в сумке письмо с объяснениями.

Она говорит так, словно это увлекательное приключение, и мы все должны радоваться. Оглядываю класс. Радует только Кейтлин Гилбоди, и то, наверное, потому, что дома ее завтраком не кормят, и она вечно жалуется, как хочет есть. А вот я совершенно не рад, потому что не хочу проводить в школе больше времени, чем положено. Поднимаю руку.

— Простите, а посещение клуба обязательное?

Миссис Керриган улыбается пуще прежнего.

— Вы все приглашены, и мы бы не хотели, чтобы кто-то пропускал встречи, это ведь так для вас важно.

Смотрю на Лотти.

— Да, обязательное, — переводит она шепотом. Я киваю.

Мама была бы против, но, если скажу, она придет в школу и устроит сцену, а сцены я не люблю, мне их дома хватает — когда они уже прекратятся? Чувствую, как подступают слезы, и гоню их прочь, вспоминая, как однажды встретил Алана Титчмарша в Тонг Гарден Центр.

Раздается звонок, и все собирают вещи. Лотти смотрит на меня и качает головой.

— Не волнуйся, — успокаивает она, беря свой рюкзак. — Я организую петицию.

— Хорошо, — отвечаю я. — Я подпишу.

Мама ждет снаружи. У нее опять эта искусственная улыбка. Мама даже не спрашивает, как прошел день, ведь сама была на том собрании и не надо большого ума, чтобы догадаться. Мама просто чуть сжимает мои плечи, а я изо всех сил стараюсь не расплакаться. До самого дома держусь, но стоит переступить порог, слезы льются потоком.

— Иди сюда, — распахивает объятия мама.

Утыкаюсь лицом в ее зеленый кардиган — он мягкий и впитывает мои слезы, точно огромная губка.

— Прости, — говорит мама, но не уточняет за что. За развод, за то, что я не такой, как все, за то, что она купила мне песенник Джорджа Формби, или просто за то, что на собрании меня подняли на смех. Может, за все сразу. Вот бы никогда не возвращаться в школу — ни в какую. Но придется. В понедельник первое заседание дурацкого клуба.

— Со следующей недели нам придется каждый день приходить пораньше, дополнительные занятия к контрольным, — тараторю я, когда наконец получается успокоиться.

— Кто сказал? — спрашивает мама, отстранившись.

— Миссис Керриган. В сумке письмо. Они устраивают клуб, но на деле просто лишние занятия.

— Ты не обязан туда ходить.

— Она сказала, что обязан.

— Нет. Я напишу письмо миссис Рэтклифф. Ни к чему тебе еще больше стресса, чем уже есть.

Вся моя жизнь превратилась в череду сцен, а мне бы просто прокрасться мимо на цыпочках, чтобы никто не обращал внимания.

— Лотти собирается организовать петицию, — сообщаю я.

— Молодец, — улыбается мама. Она обожает Лотти.

Мама всегда повторяет, что один настоящий друг лучше миллиона фальшивых. Наверное, она права, только когда на собрании над тобой смеются абсолютно все, кроме одного человека, это уже так не чувствуется.

— Я пойду к себе в комнату, — говорю я.

Мама явно разочарована. Может, хотела предложить поделать вместе что-то веселое?

— Ладно, — отвечает она. — А я тогда займусь письмом.

Позже домой приходит папа. Я все еще у себя, но слышу из коридора мамин голос. Слов не разобрать, но и неважно. Еще чуть-чуть, и в ответ ей раздастся сердитый папин голос, и они опять начнут ругаться на тему «я знаю, что для него лучше».

Обычно я бы стал играть на укулеле, но сейчас не хочется, поэтому беру книгу Алана Титчмарша «Как выращивать розы». Я теперь много знаю о садоводстве. Существой игра о розах, я бы в ней блистал, и, если бы можно было обсуждать с другими ребятами лучшие сорта — тоже, но это все мечты. Когда я встретил Алана Титчмарша, мне хотелось всласть поговорить с ним о розах, но за нами была еще большая очередь, и леди из садоводческого центра предупредила — подходишь, получаешь

автограф на книге, фотографируешься с автором и идешь дальше. Такая жалость. Судя по тому, как Алан мне улыбнулся, ему бы тоже понравилась наша беседа.

Изо всех сил стараюсь вчитаться в раздел о плетистых розах, но ссора внизу уж слишком разошлась. Решаю спуститься, иногда это единственный способ вынудить родителей замолчать.

— Ты не слышал их, Мартин, ты не видел его лицо... — говорит мама, когда я захожу на кухню, осекается, и оба смотрят на меня.

— Привет, — здоровается папа. Вроде хочет сказать что-то еще, но закрывает рот.

— Чай скоро будет готов, — вступает мама. — На ужин овощное рагу с тофу.

Я не говорю ей, что никто больше в классе не ест овощное рагу с тофу с чаем. Просто киваю и улыбаюсь, как она и ждет, а сам тихо мечтаю вместо этого попить чаю с Аланом Титчмаршем. Плевать, что ест он, лишь бы мы говорили о розах.

На следующее утро я просыпаюсь, как раз когда папа отправляется покататься на велосипеде. Стою у окна спальни и смотрю ему вслед.

Когда я был совсем маленьким, у папы на велосипеде сзади была специальная корзина, куда меня сажали. Мама говорит, я обожал там ездить; иногда она сама бегала за нами послушать, как я заливаюсь смехом. Позже, когда я перестал помещаться в корзине, папа купил мне собственный велосипед, но я постоянно с него падал. Отец думал, у меня диспраксия⁵, даже тест провел, но нет, мне просто не нравилось самому крутить педали, я дурачился, и он сдался. Поначалу уезжал покататься сам по воскресеньям, пока мы с мамой готовили. Затем к воскресеньям

⁵ Диспраксия — расстройство двигательной функции и координации движений у ребенка с нормальным мышечным тонусом.

добавились субботы. А теперь его поездки становились все дольше и дольше.

Обычно в субботу утром у меня урок по укулеле, но сегодня мой учитель Джулиан взял отгул: у него дочь замуж выходит. Джулиан наказал мне позаниматься вдвойне, но настроения совершенно не было. После вчерашнего собрания укулеле по-прежнему лежала в футляре, и я знал: если расстегну его, оттуда заодно выльется весь обидный смех, поэтому даже близко к инструменту не подступался.

Захожу на кухню; мама поднимает голову от газеты и вновь нацепляет на лицо «счастливую» улыбку.

— Доброе утро, милый. Хочешь «Миллет Бран»?

«Миллет Бран» — это органические хлопья, о которых никто больше в школе даже не слышал, но мне хлопья не разрешают, ведь в них куча сахара и всякой химии. Открываю рот сказать «хорошо», но звук не выходит, а на глаза снова наворачиваются слезы.

— Вот что, — говорит мама, быстро складывая газету и вставая, — пойдем-ка куда-нибудь позавтракаем. Такой чудесный день, будет неплохо сперва немного прогуляться. Я тоже не очень голодная.

Я киваю. Не помню, когда мы в последний раз выбрали куда-то на завтрак, разве что на праздники, но все лучше, чем сидеть здесь и грустить. Даже сидеть и грустить в другом месте.

— Ну тогда бегом переодеваться, — велит мама. — Если только не собираешься идти в пижаме.

Смотрю на свою пижаму. Она вся в звездах, хотя на десятый день рождения я попросил маму больше не покупать ничего со звездами и ракетами. Она хотела добыть мне пижаму с пчелами, но на мой возраст такие уже не шьют. А все пижамы с цветами оказались розовыми, и пусть мама заверила, что розовый — необязательно девчачий, я отказался. Вдруг посреди ночи случится пожар или какой-нибудь террорист взорвет бомбу на нашей улице

и придется выбегать в чем есть, а зеваки, конечно, станут снимать все на телефоны, я попаду в новости в розовой пижаме, и тогда мне до конца школы жизни не будет.

Иду наверх, натягиваю джинсы неправильного бренда и футболку — тоже, скорее всего, неправильную. Я с одеждой не в ладах. Всегда выгляжу неправильно, что бы ни нацепил.

Спускаюсь, а мама уже собралась и стоит у задней двери.

— Мы далеко? — спрашиваю, глядя на ее походные ботинки.

— Не знаю, — отвечает она. — Просто обула на всякий случай. А тебе и в кроссовках сойдет.

Мама открывает заднюю дверь, и в дом врывается запах улицы.

Я натягиваю кроссовки (тоже не того бренда), не развязывая шнурки, что обычно раздражает маму, но она либо не замечает, либо, если и заметила, решает ничего не говорить.

Первое, что я вижу, когда выхожу на улицу, — это табличка «Продается».

Она торчит там уже несколько месяцев и вечно о себе напоминает.

Когда ее только поставили, другие родители и дети в школе спросили, куда мы переезжаем. Даже миссис Керриган заметила табличку, потому что проезжала мимо нашего дома по дороге в школу, и спросила, не собрался ли я «на новые пастбища». Мне пришлось сказать ей, что мои мама и папа расстались, и я начал плакать, и все это увидели, так что случилась еще одна большая сцена. Хорошо, что дом посмотрели всего три человека: один перекасти-поле (я действительно не знаю, что это значит, но мне очень хотелось бы стать таким же, потому что у меня хорошо получается мечтать), одному наше жилье не понравилось, а другому понравилось, но продажа дома провалилась, поэтому я продолжаю надеяться, что если никто никогда его не купит,

маме и папе, возможно, придется снова отыскать свои счастливые голоса и настоящие улыбки и не разводиться.

Яркие лучи падают мне на лицо, когда я подхожу к воротам. Мое лицо не совсем подходит для солнца, потому что моя кожа бледная, у меня есть веснушки и, как и мама, я очень легко обгораю.

— Все обойдется, — говорит мама, вероятно поняв, что я собираюсь попросить намазать меня солнцезащитным кремом.

— А если я обгорю?

— Не обгоришь. Сейчас только девять, и мы постараемся держаться в тени.

Она одаривает меня своей обнадеживающей улыбкой, но это не слишком помогает. Папа утверждает, что я чересчур много волнуюсь. Легко говорить, ему не нужно ходить в школу, у него не рыжие волосы или кожа, которая легко сгорает, а его родители, бабушка и дедушка, все еще вместе, хотя уже вышли на пенсию, перебрались в Девон, и мы почти никогда их не видим. Должно быть, легко не волноваться, когда тебе не о чем беспокоиться. Я думаю, единственное, что беспокоит папу, — это то, что я ненормальный. Ну и зря, я сам достаточно переживаю по этому поводу, не надо ко мне присоединяться.

Идем по дороге, ведущей в парк. Как хорош этот кусочек Галифакса! Ранней весной вдоль широкой тропы растут нарциссы. Сейчас они засохли и их скосили, но мне нравится знать, что луковицы все еще там, внизу, и в следующем году цветы вернутся.

У нас в саду тоже много луковиц. Осенью, когда я пошел в школу, мы целую кучу посадили. Мама проделывала дырочки лопаткой, а я вставлял луковицы. Следующей весной мама помогала мне считать, сколько же проросло, а когда папа приходил с работы, я выбегал и рассказывал ему, как там много нарциссов и тюльпанов. Он казался взволнованным, я это хорошо помню. А вот чего не могу вспомнить — когда перестал считать нарциссы.

— Что станет с луковицами в саду, когда вы продадите дом? — спрашиваю маму.

Она отвечает не сразу, хотя точно меня услышала. Значит, старательно продумывает ответ.

— Ну, мы оставим их новым хозяевам, пусть радуются, — наконец говорит мама.

— Но цветы же наши. Я сам их посадил. Разве нельзя выкопать и забрать луковицы с собой?

— Нет, милый, не выйдет.

— Почему? Я могу снова посадить их в новом саду. — И только сейчас до меня доходит, что будет два новых сада, порознь. — Поделю поровну между тобой и папой. Все по-честному, не придется из-за них судиться.

Мама закусывает губу и отводит глаза. Ей не нравится говорить, что станет после развода, но мне нужно прояснить важные вопросы.

— Просто я не уверена, будут ли у нас обоих сады, — наконец тихо отвечает она, по-прежнему глядя в сторону.

— Но у нас всегда был сад.

— Знаю, милый. Однако теперь все будет иначе. У нас у каждого останется только половина денег, и не факт, что мы сможем позволить себе дома с садами.

Смотрю на нее, не веря собственным ушам.

— А где мне тогда растить цветы?

— Может, купим какие-нибудь контейнеры для патио или оконные ящики. На Хебден-Бридж много домов без садов, но людям все равно удастся выращивать там зелень.

Она говорит это веселым голосом, которым взрослые обращаются к детям, когда пытаются притвориться, будто все не так плохо, как кажется. Но все действительно плохо, если у нас для сада будет только контейнер. Интересно, если я напишу Алану Титчмаршу в его передачу, смогут ли он и его команда каким-то образом превратить наши контейнеры в настоящий сад... Но нет, даже мой любимец не настолько умен. Кроме того, все герои передачи обычно

болеют, находятся в инвалидных колясках или с ними случилось что-то ужасное.

И хотя то, что мама и папа разводятся и вынуждают меня оставить все мои растения и луковицы, очень плохо, вряд ли по меркам продюсеров передачи это можно расценить как достаточно трагичный случай.

Я смотрю на маму. Собираюсь сказать, что это несправедливо, но вижу слезы у нее в уголках глаз, явно не от ветра или холода, поэтому ничего не говорю, и мы какое-то время идем молча.

— Миссис Рэтклифф ответила мне насчет клуба на следующей неделе, — говорит мама, когда мы добираемся до парка.

— А.

— Мы встретимся с ней перед занятиями в понедельник.

— Но тогда я как раз должен сидеть в клубе.

— Знаю. Я сказала ей, что тебя там не будет, поэтому она попросила нас прийти до школы, чтобы мы все объяснили.

— Но я не хочу ничего объяснять. Ты не можешь сходить сама?

— Нет, иначе тебе придется пойти в клуб.

— Я мог бы просто посидеть возле ее кабинета и почитать.

— Она сказала, что хочет видеть нас обоих, Финн, так что мы идем вместе.

— Будет сцена?

— Нет, милый, — говорит мама. — Но я собираюсь сказать ей, что нам не нравится, как школа давит на тебя из-за контрольных.

Когда она говорит «нам», не очень ясно, кого мама имеет в виду, ведь вряд ли папу вообще беспокоит этот вопрос. Иногда кажется, она забывает, что они разводятся и что он, похоже, не согласен ни с чем, что мама говорит или делает.

— А если меня накажут за отказ пойти в клуб?

— Не накажут.

— Но они на меня разозлятся. Я буду единственным, кто не придет.

— Вроде ты сказал, что Лотти организует петицию?

— Так и есть, но никто, кроме меня, ее не подпишет, и Лотти, вероятно, все равно придется ходить в клуб, потому что тогда ее мама ради разнообразия сумеет вовремя попадать на работу.

Мама слегка улыбается. Рэйчел — ее подруга, и мама знает, насколько та занята.

— Что ж, это не мешает нам занять определенную позицию. Я всегда говорю тебе: меня не волнует, что делают все остальные, меня волнует только то, что лучше для тебя.

Взрослые так выражаются, когда хотят, чтобы вы перестали с ними спорить. Мама это говорит, папа говорит, миссис Рэтклифф, вероятно, это скажет, но дело в том, что они не могут все быть правы, потому что у каждого свое мнение, что же лучше для меня.

Идем дальше по парку. На детской площадке сидят малыши, и я вижу, как мама смотрит на меня краем глаза, и почти слышу, как она раздумывает, предложить ли мне туда зайти, но верно понимает ситуацию и ничего не говорит. Сейчас я уже большой для детских площадок, да и все равно играть настроения нет. Я не хочу ничего, только впасть в спячку, как еж, пока все это не закончится, но даже этого не могу сделать, потому что сейчас май и для спячки не сезон.

Мы выходим из парка и направляемся в не самый приятный уголок Галифакса, где живут большинство других детей из моего класса.

— Смотри-ка, «Чайники и пирожные», звучит неплохо, — говорит мама, указывая на кафе в конце дороги. Я пожимаю плечами, потому что это легче, чем спорить с ней, да и все равно я немного проголодался.

Мы никогда не были в этом месте раньше, и оно не похоже на те кафе, куда мы обычно ходим. На столах потрепанные пластиковые скатерти, красные и коричневые бутылки соуса и множество пакетиков сахара, а за ближайшим к нам столиком в окне сидит седой мужчина — он ест бекон и яйца и читает одну из тех газет, которые мама так не любит.

Мама улыбается мне, хотя, подозреваю, тоже видит, что это не «наше» кафе. Она открывает дверь, и я иду за ней внутрь. Я сразу чувствую запах бекона и морщу нос, но мама не смотрит. Она идет прямо к прилавку и читает меню на стене позади него — буквы сплошь с завитушками, а по углам маленькие изображения чайников и пирожных. Подхожу к ней. Я совсем не голоден.

— Ты можешь взять тосты с фасолью, Финн, — весело говорит мама, — или яичницу на тостах.

Я качаю головой. Обычно взял бы или то, или другое, но я все еще чувствую запах бекона, и мне сейчас ничего не нравится. Дама за прилавком мне улыбается. На ней желто-серый фартук с овцами. Они не скучные и обычные, а толстые и веселые с забавными рожицами. Длинные волосы дамы заплетены в косы, но она намного старше мамы. Я никогда раньше не видел пожилых женщин с косами.

Мама все еще пристально смотрит в меню, как будто пытается взглядом заставить появиться в нем что-то еще. Позади нас встает еще одна дама. Она высокая, от нее пахнет дымом, и она тяжело вздыхает, как будто ей надоело ждать.

— Не могли бы вы приготовить завтрак из овощей? — спрашивает мама. — Я имею в виду, без бекона и колбасы.

— Конечно, можем, — отвечает дама в овечьем фартуке. — Хотите к нему жареный хлеб или тосты?

Мама смотрит на меня сверху вниз. Не думаю, что когда-либо ел жареный хлеб, поэтому не знаю, понравится ли он мне. Я также задаюсь вопросом, не потому ли у нас его

никогда раньше не было, что мама такое не одобряет — тогда она и сейчас подобное блюдо не возьмет. Я переминаюсь с ноги на ногу, пытаюсь определиться.

— Тост, пожалуйста, но без грибов, — говорю я. — Я не люблю грибы.

— Конечно, — говорит дама в овечьем фартуке, записывая заказ в свой блокнот. — Никакого бекона, колбасы или грибов. Чего-нить еще будете? Я могу приготовить тебе хашбраун, если хочешь.

Я не знаю, что такое хашбраун, но не хочу в этом признаваться.

— Я не люблю хашбраун, спасибо.

— Это просто картошка, Финн, — поясняет мама. Хотел бы я теперь переиграть, но получится слишком неловко.

— А что тебе еще нравится? — спрашивает дама в овечьем фартуке. Она говорит это доброжелательным голосом, а не противным.

— Мне нравится ваш овечий фартук, — признаюсь я, стараясь быть вежливым.

— Спасибо, — отзывается она, на секунду глянув на себя, — говорят, все овцы одинаковые, но на самом деле это не так. Люди просто плохо смотрят.

Я хочу рассказать ей о клонированной овце Долли, о которой читал в научном журнале, но женщина позади нас громко кашляет.

— Ладно, — говорит мама, — значит, один специальный завтрак, и мне то же самое, но с грибами, пожалуйста.

— Ладушки, а что насчет напитков? — спрашивает дама в овечьем фартуке.

Я снова смотрю в меню. Я не люблю чай или кофе, а все остальные напитки — газированные, продаются в банках, а мне такое нельзя.

Я пожимаю плечами и стискиваю кулаки. Не хочу больше принимать решения, потому что все время ошибаюсь.

— У вас есть апельсиновый сок? — спрашивает мама.

— Только газировка, милая.

— Тогда один чай и один стакан воды, пожалуйста, — говорит мама.

Наверное, ей бы хотелось уйти в другое место, но она не собирается в этом признаваться, потому что взрослые не любят говорить, что были неправы. Я поворачиваю голову и снова смотрю на дверь. И тут замечаю наклейку с рейтингом гигиены. Я обычно смотрю на них перед тем, как зайти, потому что не люблю есть там, где нет пяти звезд, но на этот раз забыл проверить. Я подхожу к двери, пока мама достает сумочку. У заведения всего три звезды. Три означает удовлетворительно, то есть прямо совсем нехорошо. Я оглядываюсь на даму в овечьем фартуке.

Может, это не ее вина, может, ее начальник плохо моет руки, но я теперь не могу здесь есть. Мама протягивает деньги за завтрак. Она собирается заплатить, но я не хочу тут есть, и теперь грянет еще одна большая сцена, и я сгораю от стыда еще до того, как все произойдет.

Я спешу к маме и дергаю ее. Она слишком занята разговорами с дамой в овечьем фартуке.

— Я не хочу здесь есть, — признаюсь как можно тише. Мама хмуро смотрит на меня. Я маню ее наклониться ближе, не хочу говорить громко, потому что знаю — это прозвучит грубо.

— У него всего три звезды, — шепчу я маме на ухо.

— У кого?

— У этого кафе всего три звезды за гигиену.

У мамы на лице какое-то странное выражение. Не знаю, злится она, грустит или все разом одновременно.

— Пожалуйста, Финн, не мог бы ты хоть раз это проигнорировать? — спрашивает мама.

Я качаю головой. Мама знает, я никогда не ем в заведении с тремя звездами. Папа считает это моей очередной странностью. Он засмеялся, когда я впервые выразил свою позицию, и сказал, что это же не мишленовские звезды, где речь идет о том, насколько хороша еда, а затем ему пришлось объяснять, что такое мишленовские звезды.

А несколько дней спустя мы пошли в гараж за шинами, и они лежали в большой картонной коробке с надписью «Мишлен», и я совсем запутался.

— Но Финн, какая разница, ты же просто съешь только яйцо, тосты и бобы.

Я снова качаю головой. Вонючая дама позади нас цокает языком.

— Вы закругляетесь или нет? — спрашивает она.

Мама поворачивается к ней.

— Мы просто решаем, — отвечает она. Ее голос немного дрожит, и я дрожу вместе с ним.

Дама в овечьем фартуке смотрит так, будто ей нас жаль.

— Извините, — говорит мама.

— Ничего страшного, милый, — улыбается она мне. — Не торопись и дай мне знать, могу ли я чем-то помочь.

Вонючая дама стонет.

— Ради бога, а быстрее можно? Если он тупит, пропустите других вперед.

— Эй, ну так-то зачем, — упрекает дама в овечьем фартуке. Впервые улыбка исчезает с ее лица, а голос становится резким.

— А как по мне, повод есть, — возражает вонючая дама. — Мне нужно по делам, а этот избалованный негодник меня задерживает. В мое время дети ели то, что им давали, и еще спасибо говорили.

Я начинаю плакать. Ничего не могу с собой поделать. Слезы просто хлынули. Теперь все на меня смотрят, это очередная сцена, и я не хочу здесь находиться. Я хочу бежать и никогда больше не видеть этих людей.

— Поглядите, что вы натворили, — говорит дама в овечьем фартуке вонючей. — Извинитесь перед ним.

— Я ни перед кем не извиняюсь, — отрезает вонючая.

Мама, похоже, тоже готова расплакаться. Я дергаю ее за руку.

— Идем, — говорю я. Мама кивает, беззвучно извиняется перед дамой в овечьем фартуке. Я подбегаю

к двери, открываю ее, глядя полными слез глазами на наклейку с рейтингом гигиены, и недоумеваю, почему же так трудно быть собой.

ДО

4. Каз

— Ну как, горды собой? — спрашиваю я Душнилу Лил. Понятия не имею, как ее на самом деле зовут, но давно ее так про себя окрестила. Приходит сюда каждые субботу и воскресенье, всегда с противным выражением лица и вечно воняет дымом. А еще она грубиянка; благодарности от нее не дождешься.

— Как я уже сказала, он был избалованным негодником.

Невольно ошетиниваюсь. Повидала я таких, как она, кто оскорблял Терри, даже не соображая, что несет. Ни разу не остановились спросить, могут ли чем-то помочь, даже когда ему было плохо.

— Не надо с ходу судить людей. Может, у него проблемы.

— Ой, да у них у всех сейчас проблемы. Проблемы с обучением, СДВГ⁶, аллергия. Небольшая взбучка все бы исправила. Просто глупые мамы их чересчур балуют.

— Или, может, тупые коровы вроде вас заставляют их плакать и выбегать из кафе.

Как только слова вырываются изо рта, я понимаю, что не должна была так говорить.

Нет, я не раскаиваюсь. Она заслужила каждое слово, и даже больше.

— Как вы меня только что назвали? — переспрашивает Душнила Лил.

⁶ Синдром дефицита внимания и гиперактивности. *Прим. ред.*

— Тупой коровой. Заказывать что-то будете или нет?
— Я хочу поговорить с вашим менеджером.
— Ну, вам не повезло, потому что она не работает по выходным.
— И так вы разговариваете со всеми своими посетителями, когда ее нет рядом?
— Нет, только с теми, кто доводит детей до слез.
Входит молодой человек и зависает у стойки.
— Да, милый, что вам? — спрашиваю я. Он смотрит на Душнилу Лил, прикидывая, не лезет ли без очереди.
— Ничего страшного, она уже уходит, — говорю я.
Душнила Лил хмуро смотрит на меня.
— Я свяжусь с вашим менеджером, — грозит она. — Не думайте, что это сойдет вам с рук.
— Хорошо, — отзываюсь я, — только, пожалуйста, не заставляйте больше других клиентов плакать и убегать.

Я все еще на нервах, когда на дневную смену приезжает Дэнни.

— Что с тобой? — спрашивает он, заметив, как я грохаю кастрюлей об плиту.

— Чертова Душнила Лил. Пришла сюда сегодня утром и набросилась на маленького мальчика, что стоял перед ней. До слез его довела.

— Зачем? — спрашивает Дэнни, надевая фартук.

— Он не знал, чего хотел. Просто стеснялся, но Душнила Лил обозвала его избалованным негодником. Бедняга убежал в слезах.

— Охреневшая корова, — замечает Дэнни.

— Это я ей и сказала.

— Серьезно?

— Ладно, я ее тупой коровой назвала.

Дэнни с улыбкой берется за сковороду.

— Боже, Каз, жаль, я раньше не пришел. Держу пари, она вышла из себя.

— Сказала, что собирается пожаловаться моему менеджеру, чтобы я не думала, будто мне это с рук сойдет.

— Но ведь не станет, а?

— Не-а. А даже если и станет, именно она расстроила одного из наших клиентов. Это она неправа, а не я.

Дэнни пожимает плечами и кривится: да как сказать. Впрочем, плевать, если Бриджит устроит мне выговор. Стоило поставить Душниту Лил на место. Никто не должен так разговаривать с детьми. Я до сих пор не могу перестать думать о маленьком рыжеволосом пареньке. Он был похож на кролика в свете фар. Я так много раз видела это выражение на лице Терри. Когда для него все становится чересчур, а еще люди смотрят, и он не знает, что сказать или сделать.

И теперь брату придется снова попытаться контактировать с людьми.

Конечно, он не сможет. Терри объяснил это во время собеседования. Но брат прав. Тот парень просто не слушал.

Наверное, ему дают премию за каждого человека, которого он признает годным к работе.

Я выбиваю кофейный фильтр в мусорное ведро. Дэнни отворачивается от плиты, на которой начал что-то жарить, и смотрит на меня.

— Не расстраивайся из-за нее.

— Дело не только в ней. Нашему Терри пришло письмо, ему прекращают выплаты и велят найти работу.

— Но он же не может работать? Ты же вроде говорила, твой брат физически неспособен?

— Ага. Только они и знать ничего не желают. Думают, он попрошайка. Ленивый бездельник, которому зад поднимать неохота.

— И что делать будешь?

— В понедельник поведу его в центр занятости, попробуем разобраться.

— О, а можно пойти посмотреть? — улыбается Дэнни. — Чую, будет Душнила Лил, раунд два.

— Наверное, стоит билеты продавать, — отзываюсь я. — Заработаем больше, чем я тут получаю.

Подхожу обратно к стойке, и тут входит Джоан. Еще одна постоялица, которой я всегда рада. Она в пальто, несмотря на жару. Не припомню, чтобы Джоан хоть раз без него приходила.

— Привет, милая, — окликаю я, — как жизнь?

— Ой, знаешь, — говорит она, — не жалуясь. — Морщинки вокруг ее рта выгибаются вверх, образуя улыбку. Щеки Джоан кажутся еще более впалыми, чем обычно. Губы сухие и потрескавшиеся.

— Присаживайся, я принесу тебе как обычно.

Смотрю, как она нетвердой походкой идет к ближайшему столу и опускается на стул. Всегда так; тем, кто не жалуется, как раз есть на что. Я поворачиваюсь к Дэнни.

— Не сообразишь что-нибудь скоренько для Джоан? В ней едва душа держится.

Дэнни бросает взгляд в сторону посетительницы и кивает. Через несколько минут я подаю ей чашку крепкого чая и завтрак дня.

— Что это? — спрашивает она, глядя на тарелку. Явно беспокоится, что не может за это заплатить.

— Комплимент от шеф-повара. Завалилось тут случайно. Парень сделал заказ, но не дождался и убежал. Придержали для тебя.

Джоан сжимает мою руку.

— Спасибо, милая, — говорит она. Я ей подмигиваю. На каждую Душнилу Лил в этом мире найдется своя Джоан. Вот о чем я должна постоянно себе напоминать.

В конце дня Дэнни уходит домой, я мою пол, и тут брякает колокольчик. Оборачиваюсь сказать, что мы закрыты, и вижу Бриджит. Судя по выражению ее лица, меня ждет взбучка. Но я не могу понять, как она уже узнала о том, что произошло.